

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОЧЕВИДЦЕВ О ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

* * *

«Скажу только одно, что кто бы ни похвалялся, что предвидел все, что произошло, сказал бы явную неправду. Все чувствовали необычайную тревогу, сознавали, что что-то готовится и надвигается на нас, но никто не давал себе отчета, и едва ли я ошибусь, если скажу, что все ждали просто дворцового переворота, отстранения влияния в той или иной форме Императрицы, думали, что явится на смену новый порядок управления, но не произойдет ничего рокового и жизнь сохранит, если и не все свои прежние формы, то все ее устои».

Граф В. Н. Коковцов (1853-1943) Из моего прошлого 1903-1919 г.г. Т. II. С.405

* * *

«Его перестали любить. Его уже НЕ ЛЮБЯТ. Не любят за непонимание текущего момента. И все хотят Его ухода... хотят перемены... А то, что Государь хороший, верующий, религиозный человек, дивный отец и примерный семьянин — это никого не интересует. Все хотят другого монарха... Что-то надтреснуло в толще нашего правящего класса. Престиж Государя и Его супруги, видимо, был окончательно подорван. Распутиным началось, войною кончилось. Встав, как главковерх, в ряд лиц высшего командования, Государь, сделался для общества, для толпы человеком, которого можно было критиковать и его критиковали. С главковерха критика перенеслась и на Монарха... Царица же, начав ухаживать за больными и ранеными, начав обмывать ноги солдатам, утратила в их глазах царственность, снизошла на степень простой „сестрицы“, а то и просто госпитальной прислужницы. Но Их Величества, забывая жестокую реальность, желали жить по-евангельски».

Генерал А. И. Спиридович. Великая Война и Февральская Революция 1914 -1917 г. Т.III. Нью-Йорк, 1962. С.74-75, 77

* * *

«23 февраля, в Царском Селе, во дворце выяснилось, что у В. К. Ольги Николаевны и у Наследника корь.... Заболела и А. А. Вырубова. Эта болезнь порвала в последующие дни почти всякую связь с внешним миром (неофициальным) дворца, что очень отразилось на правильности информации Императрицы. Царица полностью отдалась больным. Моральное состояние Царицы было очень тревожное. Она находила отъезд Государя несвоевременным. Она предчувствовала, что-то нехорошее. Много молилась»

А. И. Спиридович. Там же. С.81.

* * *

«Легенда о недостатке хлеба и о мальчишках и девчонках, как о зачинщиках беспорядков, была передана Протопоповым и в Царскосельский дворец... Но не в хлебе дело. Это отлично знают те, кто толкает рабочих на улицу... Большевики первые (А. И. Спиридович. С.83) объявили забастовку политической. Их поддержали меньшевики и соц. революционеры. Всяческие агитаторы призывали к демонстрации. Выброшены лозунги: „Долой Царское правительство, Долой Войну, Да здравствует Временное Правительство и Учредительное Собрание“. Лозунги с быстротою молнии перебрасываются в другие городские районы. Всюду революционное возбуждение. ...

А. И. Спиридович. Там же. С.102

«25 февраля в 5 ч. 40 м. по полудни, генерал Хабалов послал генералу Алексееву первую телеграмму о беспорядках.. В 9 ч. вечера Хабалов получил личную телеграмму от Государя: — „Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. НИКОЛАЙ"... Поздно вечером началось заседание Совета министров в квартире князя Голицына. Впервые за время беспорядков Совет обсуждал создавшееся положение. Совет согласился с проектом Хабалова опубликовать с утра и расклеить по городу от его имени предупреждение, что скопища будут рассеиваться оружием.

А. И. Спиридович. Там же. С.101

* * *

«... Стрельбу на улицах поняли, как доказательство решимости правительства подавить беспорядки во что бы то ни стало. Раздавались даже голоса за прекращение демонстраций и даже забастовок. Правда, более горячие большевики стояли за продолжение борьбы, но требовали оружия. Лидеры отвечали, что оружия нет, а что достать его надо от солдат; надо с ними брататься и перетянуть их на свою сторону. Растерянность царя и среди социалистической интеллигенции. В тот вечер у Керенского было совещание разных фракций и царило преобладающее мнение, что революция еще не своевременна. Правительство берет верх. Надо еще подождать. Много позже, опираясь на это собрание, Керенский говорил: — „Русскую революцию сделали не революционные партии, а представители думской цензовой интеллигенции и генералы“. Керенский безусловно прав.

А. И. Спиридович. Там же. С.118-119

* * *

«... самое решительное средство борьбы с толпой — стрельба, вследствие запоздалого (на целых два дня) его применения послужило не к

прекращению беспорядков, а к обращению их в солдатский бунт, а затем и во всеобщую революцию»

А. И. Спиридович. Там же. С.122

* * *

«Государев Указ о роспуске Гос. Думы был послан Родзянке поздно вечером 26 числа, а опубликован утром 27-го... В кабинете Родзянки совещался Совет старейшин. Обсуждали, как отнестись к Указу. Было решено: Указу о роспуске подчиниться, считать Думу не функционирующей, но членам Думы не разъезжаться и немедленно собраться на частное совещание. Решили: выбрать пока Временный Комитет — „для водворения порядка в столице и для сношений с общественными организациями и учреждениями". То был второй революционный шаг Г. Думы. В Комитет выбрали весь состав бюро Прогрессивного Блока, усилив его Керенским и Чхеидзе. Ими социалисты накладывали руку на буржуазию.

А. И. Спиридович. Там же. С.125, 127

* * *

«Государственная Дума сделалась одним из первых завоеваний революции. Подготавливая революцию уже много месяцев, Г. Дума стала ее первой жертвой. Теперь в Думу шел всякий, кто считал себя на стороне революции. Взбунтовавшийся солдат, солдат убивший своего начальника, распропагандированный партийный рабочий, интеллигент, мечтавший за рюмкой водки о революции, радикальный журналист, беспаспортный еврей, экзальтированные девицы, молодые люди всяких взглядов и возрастов, авантюристы разных марок и выпущенные из тюрем преступники — все стремились теперь в Государственную Думу. Дума стала штабом революции. Правительство преступно бездействовало».

А.И. Спиридович. Там же. С.128

* * *

«Благодаря бездействию правительства, к вечеру 27 февраля почти весь Петроград был во власти революционной толпы. По улицам ходили толпы солдат и вооруженных рабочих. Шла повсюду непрерывная, беспорядочная стрельба, которой занимались, главным образом, подростки. То и дело проносились с грохотом грузовые автомобили, облепленные солдатами, с красными флагами, с торчащими во все стороны штыками. Особенно неприятное, страшное впечатление производили лежавшие на их крыльях солдаты с вытянутыми вперед винтовками. Это было глупо, но страшно...»

Толпа разбивала ворота, громила, что могла. Расхватывала винтовки, увлекала слабовольных, выгоняла сопротивляющихся, нападала на офицеров. Некоторые части пытались было сопротивляться, но бесполезно. Сила солому

ломит. Офицерство в большинстве разбежалось. В этот день оно продолжало быть с массой против революции. Солдаты, присоединившиеся к толпе, шли с ней „снимать" еще не присоединившихся».

А. И. Спиридович. Там же. С.145

* * *

«Новая власть совершенно игнорировала Монарха. ..Почти одновременно с Временным Комитетом народился под одной с ним кровлей второй революционный орган — Совет Раб. и Солд. Депутатов. Когда толпа раскрыла тюрьмы, в числе освобожденных оказалась и рабочая группа при Центральном Комитете Военно-Пром. Комитета во главе с Гвоздевым. Руководители ее направились в Таврический дворец, где они с несколькими интеллигентами и левыми депутатами образовали „Временный Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов"».

«В Царскосельском дворце 27 число было первым днем, когда Императрица поняла, наконец, всю серьёзность происходящих в Петрограде событий. Стараясь казаться спокойной, Царица очень волновалась. Наследнику было хуже. Новости о военных бунтах поразили Царицу. Верность войск казалась ей всегда вне сомнений. И вдруг, бунты».

А. И. Спиридович. Там же. С.150

* * *

«Царская Ставка, успокаиваемая до 27 февраля относительно происходивших в Петрограде событий Императрицей Александрой Федоровной через Государя и военным министром Беляевым через ген. Алексеева, не обладавшая к тому же правильной информацией ни со стороны Дворцового коменданта, ни со стороны военных властей, Царская Ставка, в эти роковые для России дни, обладая всею полнотою верховной и военной власти и силами многомиллионной армии, опоздала в действиях относительно подавления революции на несколько дней. Царская Ставка начала принимать соответствующие меры только с позднего вечера 27-го февраля, когда законное правительство уже самоупразднилось в Петрограде

А. И. Спиридович. Там же. С.170

* * *

«28 февраля положение окончательно выяснилось. Мы были победителями. Но кто - «Мы»? Масса не разбиралась. Государственная Дума была символом победы и сделалась объектом общего паломничества. Дума, как помещение - или Дума, как учреждение?...»

П.Н.Милюков. Воспоминания. Т.2. М., 1990. С.254

* * *

«Что творилось это время в помещении Таврического Дворца, — этого не может воспроизвести самое пылкое воображение. Солдаты, матросы, студенты, студентки, множество всякого сброда, какие-то депутации, неизвестно кому представляющаяся, какие-то ораторы на столах и стульях, выкрикивающие что-то совершенно непонятное, арестованные в роде меня в сопровождении такого же конвоя, снующие «френчи», вестовые и неведомые люди, передающие кому-то какие-то приказания, несмолкаемый гул голосов, грязь и сутолока, в которой бродят какие-то сконфуженные тени недавно еще горделивых членов Государственной Думы, собиравшихся разом показать всему миру волшебный переворот, совершившийся «без пролития крови» в судьбах России...»

В.Н. Коковцов. Там же. С.409

* * *

«Но, празднуя победу, все в Думе нервничают и боятся. Боятся возвращения Государя, боятся прихода войск с фронта».

А.И. Спиридович Там же. С.195.

* * *

«В эту самую роковую ночь, под 1 марта 1917 года, в Таврическом дворце представители Временного Комитета, представители Думской цензовой интеллигенции, решали судьбу Императора Николая II-го, ставшей судьбой всего монархического строя в России. Мысль об отречении Государя уже давно в умах многих. В эту ночь многим казалось, что столь жданный момент пришел. Одни считали, что пора „кончать“, другие думали, что отречение поведет к успокоению от разрастающейся анархии, а многие, по-житейски, боялись возвращения Государя, боялись арестов и кар. Каждый хотел, чтобы отречение произошло поскорее. Преобладало мнение, что отречение должно совершиться в пользу Наследника, при регенте Михаиле Александровиче. Родзянко сносился по этому поводу с генералом Алексеевым и тот, по его словам, примкнул к этому мнению».

«..замена сына братом была, несомненно, тяжёлым ударом, нанесённым царём судьбе династии...»

П.Н.Милюков. Там же. С.270

* * *

« В здании Думы министры и временный комитет принимали меры, чтобы связаться с Михаилом Александровичем.. . Выяснилось сразу два течения - за и против принятия престола великим князем... Я доказывал, что для укрепления нового порядка нужна сильная власть - и что она может быть такой только тогда, когда опирается на символ власти, привычный для масс.

Таким символом служит монархия. Одно Временное правительство, без опоры на это символ, просто не доживёт до открытия Учредительного Собрания. Оно окажется ладьёй, которая потонет в океане народных волнения. Стране грозит при этом потеря всякого сознания государственности и полная анархия... Я был поражен тем, что мои противники (авт. - Родзянко, Керенский) вместо принципиальных соображений перешли к запугиванию великого князя.»

П.Н.Миллюков. Там же. С.271-272

* * *

«Отказ Михаила был мотивирован условно: «Принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего», выраженная Учредительным Собранием. ... Родзянко принял меры, чтобы отречение императора и отказ Михаила были обнародованы в печати одновременно.. Временно правительство вступало в новую фазу русской истории, опираясь формально только на свою собственную «полноту власти»».

П.Н.Миллюков. Там же. С.274